

ОТРАЖЕНИЕ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В БАШКИРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Хусаинова Гульнур Равиловна¹

¹ доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа)

E-mail: bashfolk@yandex.ru

Аннотация. В статье на материале башкирского фольклора, как опубликованных, так современных полевых записей, показывается представление народа о таких домашних животных, как конь, корова, бык. Первые сведения о домашних животных встречаются в архаическом эпосе «Урал-батыр», выявлены они и в народных сказках. Среди полевых материалов XXI в. также имеется любопытный материал о домашних животных, связанный с древними верованиями. Народная память сохранила и передала народные знания о домашних животных, об уходе за ними от поколения к поколению.

Ключевые слова: башкирский фольклор, тотемизм, народные представления, домашние животные, конь, корова, бык.

Башкиры испокон веков вели полукочевой образ жизни и одним из основных их занятий было животноводство, поэтому неудивительно, что представления о домашних животных получили отражение в его фольклоре. В мифах, эпических сказаниях, сказках, легендах, обрядовом фольклоре и других жанрах башкирского фольклора значительное место занимают образы домашних животных, связанные с древними верованиями и этиологическими представлениями.

Как у любого народа каждый год носит название животного, в том числе домашнего: коровы (быка), собаки, кабана (свиньи), лошади, овцы. В эпосе «Урал-батыр» это явление объясняется следующим образом:

*Ай, көн һайын Уралға
Бары йәнлек тулған, ти,
Шу йәнлектәр, кош-корттар
Килеү көнө кешегә
Ай, йыл һанап белеүгә
Исем булып киткән, ти.*

[Башкирское народное... 1998: 123]

*Каждый день и месяц Урал
Все живое в себя вбирал.
Дни прихода птиц и зверей
С тех пор и стали для людей
Названием месяцев и годов —
Стал подсчет их с тех пор таков.*

[Башкирское народное... 1987: 131]

Как утверждают исследователи, у кочевых народов древности, занимавшихся скотоводством, применялись лунные календари, а с переходом к земледелию люди стали пользоваться солнечными и лунно-солнечными календарями. Последний у восточных народов состоял из повторяющихся двенадцатигодичных циклов (мөсәл). Каждый год мусалы имел зооморфное название [Башкирское народное 1987: 502]. И еще у башкир существуют свои суеверия по годам: «Различались «мужские, т.е. суровые годы (лошади, собаки), а также «женские» — легкие, благосклонные годы (коровы, овцы, свиньи)» [Сулейманов, Султангареева 2010: 21], т. е. «Йылкы йылы — каты йыл» (Год лошади — жесткий год) или «Ғарык йылы — еңел йыл» (Год овцы — легкий год) [Сулейманов, Султангареева 1995: 17].

О культе животных, особенно о коне, в башкирском фольклоре писали исследователи А.Н. Киреев [Киреев 1970: 93–94, 101, 109–114, 119–124], М.Х. Мингажетдинов [Мингажетдинов 1969], Н.Т. Зарипов [Зарипов 1978], М.М. Сагитов [Сагитов 1984], Ф.А. Надршина [Надршина 1986: 84–90], поскольку в древности кони являлись почитаемыми животными — тотемами. Известно, что для некоторых народов тотемом были ветер, солнце, дождь, гром, воду, железо (Африка), для других — части отдельных животных или растений. Например, голова черепахи, желудок поросенка, концы листьев и т. п., но чаще всего тотемами были животные и растения.

В Африке у родов с тотемом змея новорожденных подвергают особому испытанию змеей: если змея не тронет ребенка, он считается законным, в противном случае его убивают как чужеродного. Отдаленно это напоминает следующий обычай у башкир: если у родителей не выживали дети, то при появлении на свет следующего ребенка его укладывали в собачью миску и выставляли собаке, которая никогда не трогала ребенка, и после этого последнему давали имя «Эталмас» (собака не возьмет), или новорожденного ребенка подкладывали к собаке с только что ощенившимися щенками одного помета, чтобы ребенок выжил [Илимбетов, Илимбетова 2012: 151; 142–143]. Многие тотемные племена верят, что после смерти каждый человек обращается в животное своего тотема и, следовательно, каждое животное — умерший родственник.

Пережитки подобного рода встречаются даже в современной Европе. У южных славян при рождении ребенка старуха выбегает с криком: «Волчица родила волчонок!», а у башкир грудного ребенка парят в бане со словами: «Минең балам түгел, айыу, буре балаһы» (Не мой ребенок, медвежонок, волчонок), после чего ребенка продевают через волчью шкуру, а кусок волчьего глаза и сердца зашивается в рубашку или вешается на шею (башкиры вешали на колыбель коготь волка, медведя, беркута как оберег от сглаза). Для полного закрепления родового союза

Хусаинова Г.Р. Отражение народных представлений о домашних животных в башкирском фольклоре

с тотемом первобытный человек прибегал к тому же средству, как и при принятии постороннего в члены рода и при заключении межродовых союзов и мирных договоров, то есть к договору крови.

Поклонение тотему, прежде всего, выражается в том, что он является строжайшим табу; иногда избегают даже прикасаться к нему, смотреть на него (бечуаны в Африке). У башкир существовало табу называть зверя как самим охотникам перед отправлением на охоту, в частности, за медведем (говорили: «Бабай («урман хужаһы», «солок эйәһе») алырға барабыз» (За стариком (хозяном леса, хозяином борти) пойдем) [Надршина 1986: 81], так и оставшимся дома членам семьи. Из научной литературы известно также, что представители рода, у которого животное было тотемом, старались не убивать его, употреблять в пищу, одеваться в его шкуру; если тотемом было дерево или другое растение, то представители старались не рубить его, не употреблять на топливо. В стадии теротеистического культа, предшествовавшего тотемизму, все объекты и явления природы человеку представлялись антропоморфными существами в образе животных, поэтому чаще всего тотемами являются животные [Малиновский 1988].

Также считалось, что тотемы, в свою очередь, как верные сородичи, к тому же обладающие сверхъестественными силами, оказывают родственным по крови поклонникам покровительство, содействуя материальному их благосостоянию, защищая от козней земных и сверхъестественных врагов.

Тридцать тысяч лет архаической культуры не исчезли. Нам в наследство остались обряды, ритуалы, символы, памятники, стереотипы первобытных культов. Тотемизм, табу, магия, фетишизм, анимизм характеризуют верования и обряды первобытного человека. Но это не значит, что они существовали только в первобытном обществе. В этом обществе они только возникли и являлись господствующими формами религиозной стороны. Однако различные формы их проявлений мы можем четко обнаружить во всех последующих религиозных системах, в том числе и в современных религиях. Они также существуют в виде суеверий и других пережитков прошлого в сознании людей. Пищевые запреты, причастие — отдаленный отголосок табу и тотемизма. Вера в амулеты, талисманы, в другие священные реликвии живет в сознании современного человека. Магические символические действия — составная часть всей современной обрядности. Вера в заговоры, порчу, гадания — никогда не исчезала из сознания и практики людей. По утверждению известного немецко-американского этнографа Ф. Боаса: «Во многих случаях различия между человеком цивилизованным и первобытным оказывается скорее кажущимися, в действительности основные черты ума одинаковые. Главные показатели интеллекта являются общими для всего человечества» [Боас 1926: 64].

Образ коня, как было отмечено выше, наряду с образом самого батыра, занимает центральное место в башкирском фольклоре. Разной масти мифические говорящие кони — Акбузат (серо-белый конь), караковые, серые, сивые, гнедые, буланы, вороные, игрениевые, рыжие, а также крылатые тулпары, иноходцы, шестидесятиаршинные пегие кобылы — популярные персонажи фольклора башкир. Самые лучшие поэтические строки — образцы классической поэзии — в башкирском народном творчестве посвящены коню, другу народного батыра. В башкирском эпосе воспета буквально каждая часть коня, начиная с копыт и кончая кончиками ушей, каждое порывистое движения коня. Например, в эпосе «Урал-батыр» это такие строки:

*Колагын беззэй казаган,
Ялын кыззай тараган;
Башкунәктәй танаулы,
Гарымһактай азаулы;
Карсыга түш, тар бөйөр,
Еңел, текә тояклы;
Куян күзле, бакыр күз,
Кысыр йылан тамаклы;
Урайы куш, яңагы ас,
Муйындары бер колас,
Кыйгыр, бөркөт кабаклы;*

[Башкирское народное... 1998: 92]

*Уши — два шила над головой,
Грива развевается гордо,
Вздёрнута точеная морда,
Зубы — как дольки чеснока,
Грудь соколиная, узки бока,
Крут и легок в копытах он,
Медью отливают глаза,
Тонкая гортань — змея пролезет (?);
Двойная макушка, впалые щеки,
Шея в один обхват, (?)
Веки — как у дикого беркута;*

[Башкирское народное... 1987: 99].

Ряд исследований на материале башкирских богатырских сказок провел М. Мингажетдинов [Мингажетдинов 1969; 1971; 1995]. В одной из своих статей он отмечает, что кровнородственная связь героя с животным миром характерна для башкирской богатырской сказки «Бузансы батыр», в которой герой рождается от серой лошади. При этом он подчеркивает, что «Богатырская сказка «Бузансы батыр» — единственное в башкирском фольклоре произведение, где чудесный конь выступает как предок человека, кровный его родственник» [Мингажетдинов 1969: 63]. Про сказку «Акъял батыр» он пишет, что «хотя в ней и не показана прямая кровнородственная связь батыра с животным миром, в ней есть замечательные детали, связанные с древними тотемными обычаями башкир. В одном из вариантов этой сказки батыр рождается от старухи с ниспадающей до колен белой лошадиной гривой, за что и получает имя Акъял (Белогривый). В другом варианте той же сказки батыр Акъял появляется на свет с чудесными длинными белыми волосами. В этом варианте «длинные белые волосы» лишены тотемистической определенности. В третьем варианте сказки об Акъяле-батыре фантастичность облика новорожденного вовсе не ощутима, потому что батыр рождается с длинными каштановыми волосами, но тоже

Хусаинова Г.Р. Отражение народных представлений о домашних животных в башкирском фольклоре

получает имя Акьял (Белогривый)» [Мингажетдинов 1969: 63]. Вариант сказки, где сохранился признак чудесного животного происхождения батыра — «белая грива», насыщен древними мифологическими и эпическими мотивами. Мотив происхождения батыра от тотемного животного связан с мотивами борьбы батыра с мифическими существами, с героическим сватовством и с возвращением батыра к жене после совершенных им на чужбине подвигов.

Как отмечает М. Сагитов, *«по представлениям башкир конь является не только покровителем, но и защитником людей от зла, болезней, несчастий»* [Сагитов 1984: 75]. Им же это подтверждается следующими примерами: *«башкирские всадники во весь опор мчались на на больного, страдающего эпилепсией», «в некоторых случаях больного обертывали свежей шкурой», «коня вводили в дом, чтобы изгнать злых духов, якобы поселившихся в нем»* [Сагитов 1984: 76]; *«можно довольно часто встретить пожилых башкир, которые, зарезав коня, сняв с него шкуру, обмазывают свое лицо, шею, руки и ноги свежим конским жиром. Они объясняют этот обряд как магическое действие: после этого не пристанет никакая хворь, исчезнут болезни костей, суставов и кожи»* [Мингажетдинов 1971: 302].

Башкиры также верят, что удар плетью, пропитанной конским потом, отгоняет злых духов, убивает ядовитую змею, а вожжи, сделанные из конского ремня, охраняют человека в странствиях или на природе, если во время сна положить их вокруг себя [Сагитов 1984: 76]. Башкиры зауральских деревень, останавливаясь на ночлег в незнакомом лесу или поляне, перед сном окружали место ночлега вожжами, хомутами, седельниками, уздечками — всем тем, что пахнет конским потом, чтобы оградить себя от змей, «нечистой силы» и болезней [Мингажетдинов 1971: 301]. По настоящее время в народе бытует поверье о том, что *«лошадиный череп оберегает хозяина и его имущество от дурного глаза, от всякого зла»* [Сагитов 1984: 76], поэтому существовал обычай вешать лошадиный череп на кольях оград, на воротах и т. д. В древние времена у башкир существовал и такой обычай: чтобы могила погибшего батыра стала святым местом, на ней закалывался конь.

Кровнородственная связь с животным миром имеет и сказочный батыр Акьяляк. Акьяляк рождается от капли крови черной коровы, которая упала на крышу дома. *«Давным-давно жили старые старик и старуха. У них была черная корова. Корову эту они решили зарезать. Капля коровьей крови попала на крышу. Однажды на крыше послышался детский плач. Старик взобрался туда и видит: лежит мальчик. Старик взял этого мальчика, поселил у себя и назвал Акьяляк»*. Так в сказочной фантастике своеобразно отражается древний культ коровы-предка. В этой сказке батыр, хотя и имеет кровную связь с тотемом коровы, получает имя Акьяляк (Белая ягода). По мнению М. Мингажетдинова,

мы здесь встречаемся со сказочным отражением образования нового рода или родового подразделения, своим происхождением связанного с тотемистическим родом или племенем.

О древних представлениях башкир, связанных с культом коровы, свидетельствует тот факт, что многие башкирские роды и их подразделения носят названия, связанные с тотемом коровы. Так, в составе Куйрук-Табынского рода (Койрок Табын) западных табынцев имелось родовое подразделение Башмак (годовалый теленок). Родовое подразделение Башмак имелось также и в составе идель-канлинского рода племени Канлы, относящегося к западным башкирам.

В эпосе «Конгур буга» подчеркивается, что корова и ее теленок Конгур буга — священные животные, защитники башкир. Если священный олень, конь, волк привели башкир в новую страну с раздольными степями, величественными горами, в страну, где много озер и рек, то корова со своим теленком Конгур буга проложили *«дорогу, по которой с севера на юг пересек башкирские земли сбежавший скот, завещанный для размножения породы»*. Мифические Конгур буга, образ быка занимают большое место в башкирском фольклоре, в том числе в эпосе. В эпическом произведении «Урал-батыр» бык является тотемным животным, с которого произошел племенной скот, ставший для башкир источником достатка. Образ быка широко распространен в фольклоре тюркских народов. Особенно популярны образы светло-бурого, бурого, синего быка. Даже некоторые племена, народы свое происхождение связывают с быком, считают его родоначальником племени. Например, древние огузские тюркские племена, то есть предки современных туркмен и турок, связывали свое этническое происхождение с Огуз каганом, родившимся от брачной связи быка и женщины по имени Ак каган. Необходимо отметить, что в этническом составе башкирского народа есть этнические группы туркмен — тэкэй, происхождение которых связано с древнетюркскими огузскими племенами, что могло повлиять на распространение культа быка среди башкир [Сагитов 2009: 97–108].

Возникновение домашних животных в башкирском фольклоре объясняется по-разному. Например, в эпосе «Урал-батыр» их приводит жена Урал-батыра:

*Бер килгән, ти, киткән, ти;
Тыныс ил тип берәмләп
Кош-корттарзы эйәртеп,
Үз артынан эркелтеп,
Тагы Уралга килгән, ти.*

[Башкирское народное... 1998: 123]

*И вновь Хумай сюда прилетела,
А потом животных и птиц
За собой она привела:
Дескать, здесь благодатна земля,
На Урал возвратилась вновь;*

[Башкирское народное... 1987: 131]

Хусаинова Г.Р. Отражение народных представлений о домашних животных в башкирском фольклоре

В сказках о животных лошадь, корова, овца, уставшие от безделья, сами подходят к человеку и просят его принять их, обещая принести пользу в хозяйстве [Башкирское народное... 2009: 27--28]. Как правило, в них домашние животные всегда выступают помощниками героя [Башкирское народное... 2009: 57, 118–119 и т.д.] и являются положительными персонажами.

Как говорится, новое — это старое забытое. Поэтому возвращение к данной теме и развитие ее материалами полевых исследований XXI в. представляется небезинтересным. Среди современных записей привлекают внимание следующие сведения: *«Яңы тыуган бызаузың кабырғаһында, һыртында акһыл озон таптар була. Уны бызаузың канаты, тизәр. Ундай канаты булған бызау төнөн осоп йөрөй, шуга йонсой, имеш. Шуның өсөн туз яндырып, шул төктәрзе өтөп сыгалар. Шунан бызау шәбәйә, тизәр»* (если на спине или по бокам новорожденного теленка растут длинные белые волосы, их называют крылья. Считается, что такой теленок по ночам летает, истощается, поэтому надо сжигать его крылья) [Башкирское народное... 1995: 105, Фольклор курганских башкир 2008: 184]. Эта информация, записанная от курганских башкир, напоминает грудного ребенка с невидимыми волосами на спине, что беспокоит ребенка, в связи с чем их убирают с помощью ритуала. Она также напоминает миф о том, что шайтан по ночам катается на лошади, и та истощается. В башкирском фольклоре крылатый конь против крылатого теленка считается священным.

Больше всего в народе бытуют суеверия, связанные с домашними животными. Прежде всего, это боязнь сглаза как детенышей животных, так и самих животных. В целях защиты жеребенка, теленка, ягненка, козленка их хозяин читал молитвы и окуривал их, а на гриву, шею, хвост привязывал разноцветные кусочки тряпок [Башкирское народное... 1995: 102]. Считалось, что сглазу поддавались красивые сильные лошади, дойные коровы. Так, если последняя подвергалась сглазу, у нее пропадало молоко [Башкирское народное... 1995: 102]. У свердловских башкир привлекает внимание обычай, согласно которому купленное животное, входя во двор, где оно будет жить впредь, перешагивает брюки хозяина или передник хозяйки [Духовное наследие... 2008: 131; 237–238], символизируя тем самым принадлежность с этого дня новым хозяевам. Чтобы проданное животное не унесло с собой плодородие, хозяева вырывали шерсть скотины [Духовное наследие... 2008: 131, 238]. Если же все-таки плодородие уходило, хозяева со стола людей, которым продали свою скотину, незаметно брали пищу и кормили им свою скотину [Духовное наследие... 2008: 133]. Если от купленной скотины пользы нет, необходимо выкрасть стельку из обуви человека, у которого было куплено животное, и окуривать сарай, где держат эту скотину [Духовное

наследие... 2008: 136]. Если корова двух телят или овца двух ягнят принесет, от одного надо избавляться, то есть отдать кому-нибудь.

Небызинтересны древние представления народа о домашних животных, дошедшие до нас и активно бытующие в наши дни: «*Ерзе үгез мөгөзөндә тотоп тора*» [Духовное наследие... 2008: 236] (землю держит бык на своих рогах); «*йәшендән сыккан янғынды кара һыйыр һөтө менән һундерәләр*» (пожар, возникший от молнии, тушат молоком черной коровы); «*үгез бышкырһа, күк күкрәп, йәшен йәшнәп китә*» [Абзелиловская тетрадь 2010: 8] (когда бык фыркает, начинается гром с грозой) и т. п.

Таким образом, нами была сделана попытка обобщения наблюдений предшественников об отражении представлений о домашних животных в башкирском фольклоре и ознакомления современными материалами, относящимися к изучаемой теме.

Источники

Абзелиловская тетрадь (фольклорные записи) / Сост., авт. вступит. статьи и коммент. Ф.А. Надршина. Уфа: «Деловая династия», 2010. 124 с. (на башк. яз.).

Башкирское народное творчество. Том I. Эпос / Сост. М.М. Сагитов, коммент. Н.Т. Зарипова, М.М. Сагитова, А.М. Сулейманова. Отв. ред. тома Н.Т. Зарипов. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. 544 с.

Башкирское народное творчество. Том III. Эпос / Сост. А.М. Сулейманов, авт. вступ. ст. М.М. Сагитов. Уфа: Китап, 1998. 448 с. (на башк. яз.).

Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор / Сост. А.М. Сулейманов, Р.А. Султангареева. Уфа: Китап, 1995. 560 с. (на башк. яз.).

Башкирское народное творчество: Том XIII. Сказки о животных / Сост., авт. вступит. ст. Г.Р. Хусаинова, авторы коммент. Л.Г. Бараг, М.Х. Мингажетдинов, Г.Р. Хусаинова. Уфа: Китап, 2009. 200 с. (на башк. яз.).

Духовное наследие: фольклор свердловских башкир / Сост. Ф.А. Надршина, Г.Р. Хусаинова, Г.В. Юлдыбаева, Ф.Ф. Гайсина. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. 256 с. (на башк. яз.).

Фольклор курганских башкир: материалы комплексной экспедиции / подбор матер., сост. А.М. Сулейманова и Н.А. Хуббитдиновой; авт. предисл. и указателя инф. А.М. Сулейманов. Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. 228 с.

Литература

Боас Ф. Ум первобытного человека. М.-Л.: Гос. изд-во, 1926. 153 с.

Зарипов Н.Т. Герой башкирских богатырских сказок, его враги и помощники // Вопросы башкирской фольклористики: Сб. ст. Уфа: БФАН СССР, 1978. С. 3–19.

Илимбетова А.Ф., Илимбетов Ф.Ф. Культ животных в мифоритуальной традиции башкир. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: АНРБ, Гилем, 2012. 704 с.

Киреев А.Н. Башкирский народный героический эпос / Отв. ред. М.Г. Рахимкулов. Уфа: Башкнигоиздат, 1970. 304 с.

Хусаинова Г.Р. Отражение народных представлений о домашних животных в башкирском фольклоре

Малиновский Б. Магия, наука и религия. М.: Рефл-бук, 1998. 288 с.

Мингажетдинов М.Х. Мотив чудесного рождения героя в башкирских богатырских сказках // Эпические жанры устного народного творчества / Ученые записки. Вып. 33. Серия филологическая. № 13. Уфа: Изд. БашГУ, 1969. С. 55–75.

Мингажетдинов М.Х. Этногенетические мотивы в башкирских сказках // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Уфа: БФАН СССР, 1971. С. 301–308.

Мингажетдинов М.Х. Пера таинственная сила. Уфа: Китап, 1995. 258 с. (на башк. яз.).

Надришина Ф.А. Память народа. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1986. 192 б. (на башк. яз.).

Сагитов М.М. Культ животных в башкирском фольклоре // Исследования по исторической этнографии Башкирии: Сборник научных трудов / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, Л.И. Нагаева. Уфа: БФАН СССР, 1984. С. 74–81.

Сагитов М.М. Мифологические и исторические корни башкирских народных эпосов. Уфа: Китап, 2009. 280 с. (на башк. яз.).

Сулейманов А.М., Султангареева Р.А. Обрядовый фольклор башкирского народа // Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор / Сост. А.М. Сулейманов, Р.А. Султангареева. Уфа: Китап, 1995. С. 7-48 (на башк. яз.).

Сулейманов А.М., Султангареева Р.А. Обрядовый фольклор башкирского народа // Башкирское народное творчество. Т. 12: Обрядовый фольклор. Уфа: Китап, 2010. С. 7-85.